

Е.В. ЛОЗИНСКАЯ

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Можно ли назвать литературоведение наукой в том же смысле, что и физику, биологию, химию? Очевидна провокационность и одновременно обоснованность этого вопроса, связанного с дискуссией о применимости естественно-научной методологии к гуманитарной сфере. Этот спор восходит к временам В. Дильтея, разграничивавшего «науки о природе» и «науки о духе» и предлагавшего герменевтическую интерпретацию как оригинальную методологическую основу последних. XX век явил миру торжество интерпретационного подхода в гуманитарной сфере. Опасения литературоведов в отношении естественно-научных методов проистекают в основном из страха перед превращением литературы в мертвый объект изучения, который предполагается «разъять как труп». Интерпретация в этом плане выглядит противоядием, способом установить живые диалогические отношения с текстом.

Для того чтобы отказаться от интерпретации как высшей цели анализа литературы, необходимо было найти иной способ связать этот предмет изучения с человеком и его ценностями. В конце XX в. очередной «репликой» в вековой дискуссии стало появление новой дисциплины – эмпирического изучения литературы¹ (далее –

---

¹ Дисциплина развивается преимущественно в нескольких странах – в первую очередь, в Германии, Нидерландах, Венгрии, США и Канаде. Институциональное оформление она получила в виде Международного общества эмпирических исследований литературы (IGEL), основанного в 1987 г. Раз в два года общество проводит международные конгрессы, регулярно организует семинары и

ESL), ключевой предпосылкой которой является понимание литературы как разновидности человеческой деятельности. Выбор названия «эмпирическое изучение литературы» (*empirical study of literature*), а не «эмпирическое литературоведение» (*empirical literary studies/critics*) в известной степени неслучаен, поскольку мы имеем дело с междисциплинарным направлением, целью которого является «описание и объяснение психологических и социальных аспектов литературы методами общественных наук» (28, с. 1). Предмет изучения ESL – литература как культурная и коммуникативная практика, по отношению к которой текст (или совокупность текстов) является одним из аспектов, но не менее важен читатель этого текста, а также его автор и функциональные институты, обеспечивающие литературную коммуникацию. В то же время нельзя отнести исследования в рамках ESL исключительно к ведению социологии и психологии литературы, поскольку в центре внимания исследователя остается художественный текст. Однако понимается он не только как комплекс знаков и смыслов, но и как один из способов функционирования человеческого сознания и общества. Поэтому наряду с проблемами, активно обсуждаемыми в рамках традиционного литературоведения (например, специфика литературного дискурса в сопоставлении со смежными явлениями культуры и языка, роль и сущность катарсиса, способы выявления метафор, ирония как фигура и художественный модус, организация фабулы в повествовательных произведениях и т.п.), в ESL становятся значимы вопросы, связанные с процессами восприятия и порождения литературных текстов.

История ESL началась с амбициозного проекта немецкого лингвиста и философа Зигфрида Шмидта и его коллег, входивших

«круглые столы», осуществляет поддержку студентов, планирующих работать в данной области. Публикации осуществляются в основном в четырех реферируемых журналах: «Poetics: J. of empirical research on culture, the media and the arts», «Discourse processes», «Emperical studies of the arts», «SPIEL: Siegener periodicum zur internationalen empirischen Literaturwissenschaft». С библиографией работ по эмпирическому литературоведению можно ознакомиться в Интернете: Zepetnek S. A selected bibliography of works in the systemic and empirical, institution, and field approaches to literature and culture (to 1998). – Mode of access: <http://clcwebjournal.lib.purdue.edu/library/sysbib97.html>; Miall D. Reader response: A bibliography. – Mode of access: <http://www.ualberta.ca/%7Edmiall/reading/index.htm>

в группу NICOL (основана в 1973 г. в университетах Билефельда и Зигена), «выработавших научную программу исследования литературы, независимую от герменевтических предпосылок» (22, с. 95), более того, по мнению некоторых авторов, «антагонистическую по отношению к герменевтике» (28, с. 5). На самом деле теория Шмидта (24) при всем критическом настрое против интерпретации намного шире и глубже, чем простое отвержение герменевтики. В основе ее лежит эпистемологический принцип радикального конструктивизма¹, ведущий к отказу от представления о литературном тексте как имманентном объекте и к переосмыслению литературы как системы человеческих взаимодействий, а смысла – как конструкта, приписываемого тексту индивидуумами, осуществляющими когнитивную деятельность. Концепция Шмидта относится к числу «системных подходов», литература рассматривается в ней как социальная система, характеризующаяся определенной структурой, конвенциями и специфическими перформативными функциями участников: производство, передача, получение и обработка явлений, признаваемых литературными. Изучение литературы переводится в сферу общественных наук с их установкой на объяснение и изменение социальных систем. Эмпиризм научной методологии, таким образом, является для Шмидта не самоцелью, а естественным следствием новой перспективы, в которой рассматривается литература. Немецкий исследователь говорит даже о новой научной парадигме (в том смысле, в каком этот термин использовался Т. Куном) в гуманитарной сфере (25), тщательно отделяя свою теорию от эмпиризма позитивистского толка с его представлением об объективности и «онтологической устойчивости» фактов (26). В этом контексте эмпирическое изучение литературы в русле нового сис-

---

¹ Радикальный конструктивизм – эпистемологический подход, при котором знание не отражает каким-либо образом объективную реальность, а является результатом активного процесса конструирования субъектом собственного сознания в целях адаптации к окружающей среде. Подробнее об этом см.: Глазерсфельд Э. фон. Введение в радикальный конструктивизм // Вестник Московского ун-та. Сер. 7: Философия. – М., 2001. – № 4. – С. 59–81; Глазерсфельд Э. фон. Радикальный конструктивизм и обучение // Перспективы. – М.; Париж, 2001. – Т. 31, № 3. – С. 81–93.; Цоколов С. А. Философия радикального конструктивизма Эрнста фон Глазерсфельда // Вестник Московского ун-та. Сер. 7: Философия. – М., 2001. – № 4.

темного представления о ней следует, по Шмидту, отличать от эмпиризации традиционных литературоведческих исследований (23).

Вместе с тем практически одновременно с теоретическими построениями Шмидта возник второй, более приземленный, вариант ESL, ориентированный на разработку новых эмпирических литературоведческих методологий, который возглавил работавший в Кёльнском университете когнитивный психолог Норберт Грёбен (6–10). Его исходная посылка о том, что текст приобретает значение только в процессе его рецепции индивидуальным сознанием, не противоречит теории Шмидта, хотя и лишена свойственных последней метатеоретических конструктивистских обертонов. По формулировке самого Грёбена, различия заключаются в стратегических аспектах смены научной парадигмы: если Шмидт предлагает полностью переосмыслить и заменить весь комплекс научных вопросов, изучаемых литературоведением, то сам Грёбен считает возможным инкорпорировать старую литературоведческую проблематику в новую науку о литературе – подобно тому, как физика Эйнштейна включила в себя ньютоновскую физику (10). В центре внимания Грёбена находится рецепция литературного текста, точнее, рецептивные процессы, протекающие в сознании конкретных читателей. В этом смысле исследователь выступает наследником Констанцской школы рецептивной эстетики, которую, тем не менее, он критикует – в первую очередь, за приверженность герменевтической методологии.

В кратком историческом очерке развития ESL голландский исследователь Г. Стин отмечает, что в начале второго десятилетия существования IGEL первоначальное лидерство зигенской теоретической школы было открыто поставлено под сомнение представителями кёльнского методологического направления, а также новой – американской и канадской – генерацией ученых, ориентированных не столько на создание новой теории литературы, сколько на решение классических поэтологических задач эмпирическими методами (30, с. 7). Парадоксальность ситуации заключается в том, что первое поколение было составлено как раз теоретиками литературы, а второе включало значительное количество психологов и социологов. Тем не менее именно новый вариант ESL был с большей готовностью принят литературоведческой общественностью,

поскольку не подчеркивал разрыв с предшествующей традицией, а, скорее, опирался на нее.

Действительно, отказ от понимания текста литературного произведения как «самодовлеющего» феномена не является исключительной прерогативой ESL. Представление о литературе как разновидности коммуникации и внимание к читателю как ее полноправному участнику восходит к работам русских формалистов, чешских структуралистов, Р. Ингардена и Х.-Г. Гадамера¹. Во второй половине XX в. наступил своего рода бум рецептивных теорий, среди которых наибольшую известность получили Констанцская школа рецептивной эстетики и американские рецептивные теории (С. Фиш, Н. Холланд).

Однако, как отмечают канадские представители ESL М. Бортолусси и П. Диксон, все эти модели «опирались на чисто интуитивные теоретические рассуждения, сформулированные в отсутствие объективных методов проверки... что дало большое число противоречивых, разноплановых теорий, которые никогда не тестировались» (2, с. 5). «Читатели» в рамках этих подходов понимались как схематические, однотипные, гипотетические конструкции, реагирующие одинаковым образом, а представления о них складывались главным образом на основе самонаблюдения литературоведов. У такого подхода есть по меньшей мере два слабых места. Во-первых, очевидно, что способы рецепции литературных произведений разными читателями могут значительно варьироваться. Один и тот же роман разные люди могут читать преимущественно «ради сюжета», «ради стиля», «ради психологии», «в поисках символического значения» и т.п. Господство интерпретативного подхода в литературоведении опиралось на имплицитную, но далеко не самоочевидную, нормативную предпосылку относительно наибольшей

---

¹ Несколько иначе дело обстоит с писателем как другой стороной коммуникативного процесса. С одной стороны, в традиционном литературоведении всегда уделялось заметное внимание как влиянию биографии писателя на его произведение, так и вопросам психологии творчества. С другой стороны, идея «ереси интенции» (intentional fallacy), выдвинутая представителями «новой критики» в XX в., придавала таким литературоведческим исследованиям оттенок маргинальности. Надо отметить, что и в эмпирическом литературоведении процесс порождения произведения играет менее важную роль в теоретических построениях и практических экспериментах, чем процесс его рецепции.

ценности последнего типа рецепции. Во-вторых, отрицая ценность идиосинкразических прочтений текста, представители рецептивных теорий тем не менее полагались на индивидуальную интроспекцию в процессе выявления механизмов восприятия литературы. Конечно, фактор случайности той или иной реакции, связанный с индивидуальностью исследователя, в известной степени мог быть компенсирован в процессе последующей научной дискуссии. Однако, как показали работы Р. Цура (32), в некоторых случаях существуют систематические различия между рецепцией текста читателями-экспертами, к числу которых относятся все представители литературоведческого сообщества, и читателями, принадлежащими к другим социальным стратам. Насколько эти различия принципиальны, выяснить можно только эмпирическим путем¹. Итак, существенное отличие ESL от «рецептивной эстетики» или «теории читательского отклика» заключается в выходе за пределы сконструированной на основе исследовательского самонаблюдения и теоретических выкладок модели восприятия текста благодаря *интересу к реальному читателю* с его практически наблюдаемыми реакциями.

Не менее важную роль в определении ESL как эмпирической дисциплины играют практические методы изучения реальных читателей, во многом заимствованные из общественных и естественных наук. Одной из ключевых процедур в этом контексте является *выдвижение гипотезы и ее тестирование в эксперименте*. Как правило, речь идет о предположительном влиянии одного параметра изучаемой системы на другой ее аспект – например, о воздействии некоторого стилистического приема на восприятие текста в целом. Исследователь определяет отражающие эти стороны системы «переменные», т.е. некоторые признаки, поддающиеся количественному или качественному измерению, а затем измеряет их корреляцию (т.е. изменяется ли вторая – зависимая – при изменении первой – независимой). Если корреляция отсутствует, то гипотеза неверна, а если она статистически значима, то гипотеза может

---

¹ Между тем в сосредоточенности литературоведения на изучении тех разновидностей восприятия, которые характерны для экспертного сообщества, а не обычного человека, некоторые авторы видят причину серьезного падения авторитета филологии как науки.

соответствовать действительному положению вещей. Сам термин «корреляция» уже показывает, что речь идет о применении методов математической статистики и, следовательно, о получении данных от целой группы читателей, достаточно большой для того, чтобы результаты анализа имели статистическую значимость, т.е. чтобы вероятность того, что они являются продуктом случайного совпадения, была достаточно низкой (как правило, ниже 5%). Сегодня обработка полученных данных происходит с помощью компьютерных программ, поэтому сам исследователь при использовании простых статистических методов должен лишь понимать их суть и ограничения в целом, имея возможность не вдаваться в детали вычислений. Это до известной степени может снять страх перед математикой, который, по мнению некоторых представителей ESL, заставлял многих литературоведов с недоверием относиться к эмпирическим методам (26). Бортолуssi и Диксон, в частности, снабдили свою работу приложением, в котором основные принципы используемых процедур анализа объясняются «для гуманитариев» (2, с. 261–273).

На практике тестирование гипотезы может выглядеть следующим образом. Существует, например, известный тезис русских формалистов о том, что отстранение и другие способы «актуализации» (foregrounding)¹ затрудняют восприятие текста и вследствие этого замедляют его. Для проверки этого утверждения мы подбираем количественную переменную, которая отражает интересующий нас признак («наличие и степень выраженности актуализации»), например, общее количество явлений актуализации в тексте или его сегменте. Это будет независимая переменная. Процесс чтения можно в данном случае охарактеризовать через физическое время, затраченное на конкретный текст или отрывок определенной длины. Это вторая – зависимая – переменная. Затем следует определить, коррелирует ли скорость чтения с количеством явлений актуализации. Если обнаружится, что скорость чтения изменяется независимо от уровня актуализации, можно считать гипотезу опровергнутой. В противном случае гипотеза является приемле-

---

¹ Актуализация – такое использование языковых средств, которое воспринимается как необычное, привлекает внимание, препятствует автоматизму в восприятии. Термин был введен в научную практику Я. Мукаржовским.

мым вариантом объяснения действительности. В данном конкретном случае реальный эксперимент показал, что, действительно, сегменты текста с большим количеством явлений актуализации читаются медленнее (19).

Разумеется, исследователь должен учитывать как уровень статистической значимости выявляемой связи, так и влияние посторонних факторов на изучаемый аспект чтения. Например, в анализе актуализации значимым фактором может оказаться местоположение отрывка в тексте. Допустим, начальные сегменты произведения читаются медленнее прочих. Вместе с тем они нередко изобилуют разнообразными приемами актуализации. Если мы сравним скорость чтения начальных «более актуализированных» и средних «менее актуализированных» сегментов, то увидим корреляцию между актуализацией и временем чтения сегмента даже в том случае, если в действительности ее нет. На самом деле на скорость чтения оказало влияние местоположение сегмента, а уровень актуализации был «сопутствующей» переменной. Поэтому уже на стадии выдвижения гипотезы очень важно иметь проработанные теоретические представления о том, какие аспекты литературной системы имеют значение для изучаемой проблемы.

В этом плане особое значение приобретает вопрос о роли литературной теории в ESL. Авторы историко-обобщающей статьи о направлении Г. Стин и Д. Шрам в поисках места для своей дисциплины в рамках литературоведения пришли к выводу, что конвенциональная теория литературы представляет собой мост от «традиционного» литературоведения к эмпирическим исследованиям (28, с. 4). При этом отношение исследователей-эмпириков к «обычной поэтике» далеко от использования ее концепций в качестве априорного фундамента. По словам К. Мартиндейла, «теоретики литературы часто принимают как аксиому то, что вполне подлежит эмпирической верификации» (18). В рамках традиционного литературоведения нередко сосуществуют противоположные и даже противоречащие друг другу высказывания, например, оценка литературного статуса как результата действия культурных конвенций или как эффекта от воздействия некоторых аспектов самого текста. Как указал Р. де Богранд, «только эмпирические исследования могут изменить это положение вещей, освободив подобные утверждения от их абсолютной зависимости от личной убедитель-

ности или самоуверенности отдельных теоретиков и обеспечивая все более и более достоверный и intersubъективный фундамент для предпочтения того или иного набора высказываний» (3). Одним из первых шагов к подобному сравнению стала книга Д. Фоккема и Э. Ибсч о литературоведческих системах XX в., в которой они сравниваются между собой и рассматриваются на предмет тестируемости их положений (4). Примером практического сравнения тезисов различных направлений (формализма, стилистической критики и конвенционализма) относительно природы литературности как характеристики текста стала статья Д. Ханауэра (11).

Приведенный выше пример эксперимента отличается от используемой во многих естественных науках процедуры тем, что основан на наблюдении за различными объектами с разными значениями независимой переменной, а не на искусственной манипуляции ее значениями в рамках одного объекта. С точки зрения общей методологии вторая разновидность дизайна предпочтительнее, поскольку позволяет существенно сократить число возможных внешних факторов, влияющих на зависимую переменную. Например, вместо того, чтобы предъявлять испытуемым сегменты с различным уровнем общей актуализации, мы можем переписать «высокоактуализированный» сегмент в более нейтральных словах, сохранив при этом прямой смысл высказывания, общую сложность синтаксической структуры и т.п., но устранив существенную часть явлений актуализации. Затем (в зависимости от прочих методологических соображений) можно предъявлять сегменты в различных подгруппах испытуемых, или оба отрывка – в каждой из них (чередую порядок предъявления сегментов, чтобы сгладить влияние очередности предъявления на измеряемый параметр).

Подобный дизайн эксперимента был не раз осуществлен в ESL на практике. Р. Хант и Д. Випонд исследовали значимость образного (оценочного) языка в рецепции текста (13). Их основная гипотеза предполагала, что в литературном произведении имеются особые «точки» (слова, фразы, фабульные события), выражающие стилистическими и образными средствами авторское отношение к описываемому и predisposing читателя к тому, чтобы разделить авторскую позицию. Как правило, эти элементы (авторы называют их «evaluations» – оценки) демонстрируют отклонение от ожидаемой в рамках данного текста языковой нормы. Исследовате-

ли планировали проверить, действительно ли такие элементы обладают особой значимостью для реципиента, даже если он читает «ради сюжета». Двум группам студентов-психологов были предъявлены два варианта одного и того же рассказа ирландского писателя М. Бреннана. В нем, в частности, описывалась с точки зрения маленького мальчика ситуация, когда незнакомые вооруженные люди наводнили (crowded) их прихожую, бродили (tramped) по всему дому, расположились (camped) в комнате, а мать опасалась, что отец, который был «в бегах» (on the run), попадет в ловушку (will be trapped) и т.п. В целом, благодаря тщательному подбору слов создавался оценочный образ жертвы и охотников. Первая группа читала оригинальную версию рассказа, вторая – вариант, в котором оценочно окрашенные выражения были заменены на нейтральные, но имеющие то же референциальное значение (например, не «camped around the room», а «sat around the room»). Затем с помощью специальной процедуры оценивался уровень заметности для читателя оригинальных (оценочно окрашенных) и модифицированных выражений по сравнению с обычными нейтральными фразами из того же текста (например, «он нашел голубую бусину»). Опыт показал, что оценочно окрашенные выражения действительно более заметны читателю, даже если его интерес направлен на фабулу произведения.

Манипуляция с различными элементами текста – один из основных методов в психоарратологии Бортолусси и Диксона (2). При этом они допускают намного более значительные модификации исходного текста. Исследователи являются принципиальными сторонниками подобного подхода, считая, что по сравнению с ситуацией использования разных текстов с различными значениями одной и той же характеристики манипулирование независимыми переменными позволяет с большей уверенностью говорить о влиянии одного параметра на другой. Но, конечно, при этом существует опасность незаметно для себя в процессе манипуляции одной характеристикой изменить другую, которая может также оказывать влияние на измеряемый зависимый параметр. Поэтому для таких операций требуется «сложная и изощренная теория текста, его свойств и организации» (2, с. 55). Исследователь повествовательных текстов здесь находится в выгодном положении, поскольку на

настоящий момент теоретическая нарратология является одной из самых разработанных и строгих областей литературоведения.

В то же время Д. Майелл отмечает опасность этого подхода, несущего в себе возможность серьезных побочных эффектов (22, с. 27). Художественный текст – сложноорганизованная конструкция, и, заменив в ней один кирпичик, мы рискуем разрушить целое. Например, как указывает Майелл, Р. Хант и Д. Випонд, убрав оценочные выражения, уничтожили внутреннюю связность отрывка, державшуюся на создании подспудного ощущения насилия и беспорядка. Уничтожены были не только точки контакта автора и читателя (что входило в замысел авторов статьи), но и конструктивный элемент всего сегмента. При этом вопрос о том, насколько потеря композиционно-стилистической связности влияет на деавтоматизированность восприятия текста, остается открытым. Это, действительно, является серьезным недостатком методики, основанной на изменении текста. Однако аналогичные проблемы возникают и при эмпирическом анализе данных в любых науках, где изучаются сложноорганизованные системы. В медицине или биологии точно так же нельзя определенно сказать, явился ли полученный эффект результатом манипуляции с конкретным параметром или изменения других факторов (скажем, стало ли излечение болезни следствием приема препарата или каких-либо индивидуальных особенностей организма). В естественных науках эта проблема отчасти решается увеличением числа изучаемых объектов, например, воздействие препарата исследуется не на одном пациенте, а на особым (случайным или иным) образом подобранной группе испытуемых. В ESL также можно увеличить количество исследуемых объектов, предъявляя читателям не один, а несколько оригинальных текстов и их модифицированных вариантов. Здесь следует обратить внимание на ключевой для ESL момент, о котором уже говорилось выше: объектом изучения является не Читатель и не текст сами по себе, но их комплекс, точнее, их взаимодействие.

Не менее важен вопрос, каким образом можно «измерить» факторы, характеризующие воздействие текста на читателя. Основная сложность заключается в том, что мы не имеем непосредственного доступа к содержимому читательского сознания. Поэтому в процессе исследования изучаемые явления подвергаются «опера-

ционализации», т.е. замещению явлениями, доступными прямому наблюдению и анализу. Следует при этом понимать, что операционализация может внести искажения в полученные результаты, поэтому она должна тщательно продумываться на этапе планирования эксперимента. В среде ESL существуют разногласия относительно конкретных методик изучения читательских реакций. З. Шмидт считал необходимой разработку оригинальных процедур, специально приспособленных для целей дисциплины (21). Бортолусси и Диксон придерживаются в этом отношении другого мнения: хотя специальные методы исследования могут давать весьма интересные результаты, в то же время самые простые процедуры из арсенала общественных наук и психологии (например, прямые вопросы, оценка отрывков по шкале эмоциональности или выразительности и т.п.) оказываются весьма эффективными (2, с. 41). Их достоинство заключается также и в том, что за время существования общественных наук накоплен значительный методологический опыт, позволяющий устранять влияние внешних, не связанных непосредственно с изучаемым явлением, факторов. Так, например, в практической социологии давно разработаны процедуры, устраняющие эффект «эха» при ответе на однотипные вопросы (т.е. автоматический выбор одинаковых ответов независимо от реального мнения респондента) или смягчающие склонность участников опроса соглашаться с «социально одобряемыми» утверждениями. В то же время выявление «подводных камней» новых методик требует накопления определенного опыта в их применении.

Что касается прямых методов оценки различных аспектов рецепции, то здесь представители эмпирического литературоведения также используют широкий арсенал средств, заимствованных из психологии. Из наиболее простых можно упомянуть измерение времени, затрачиваемого на чтение, скорости реакции на стимул, количества запоминаемых слов и фраз и т.п. Некоторые из них заметно облегчаются или даже стали в принципе возможными благодаря использованию современных технических средств. Так, в эксперименте Д. Майелла и Д. Куикена по изучению актуализации (19) его участники читали разбитый на отрывки повествовательный текст на экране компьютера, нажимая клавишу для перехода к следующему абзацу или аналогичному элементу. Таким образом, оказалось возможным зафиксировать время чтения каждого отрывка,

почти не прерывая при этом процесс восприятия и без участия ассистента, стоящего «над душой» у читателя с секундомером в руках. Вместе с тем исследователи отдавали себе отчет в том, что чтение с экрана компьютера отличается от чтения с бумажной страницы, и приняли меры для устранения наиболее серьезных помех. В частности, изображение на экране воспроизводило страницу книги, хотя ярко подсвечивался лишь читаемый в данный момент абзац, чтение соседних без нажатия «клавиши перехода» было затруднено.

Перспективное, но пока еще мало разрабатываемое направление в ESL представляют собой методы исследования, используемые в нейрофизиологии – от традиционной электроэнцефалограммы до функционального магнитного резонанса (22, гл. 9). На настоящий момент в этой области имеются исследования актуализации и отстранения некоторых аспектов рецепции повествовательных текстов и нарративной эмпатии. Однако несомненно, что по мере углубления наших представлений о функциях отдельных участков головного мозга инструментальные методы займут важное место в арсенале ESL.

Помимо выдвижения и тестирования гипотез в естественных науках важное место занимает также *наблюдение за изучаемыми явлениями, их описание и систематизация*. В ESL аналогичным распространенным и весьма продуктивным методом является фиксация непосредственных реакций читателя в процессе или после завершения чтения текста. В большинстве случаев текст разбивается на отрывки, и после прочтения каждого из них участникам эксперимента предлагается, как, например, это сделано в одной из работ Майелла и Куикена, «описать все имевшие место в данном случае аспекты рецептивного процесса любого характера: мысли, чувства, интерпретации, оценки, воспоминания и т.п.» (16). В других исследованиях (15) испытуемым просто предлагалось высказывать все, что приходит им в голову после чтения каждого из абзацев. Такого рода процедуры в психологии и социальных науках известны под названием «think-aloud method» («метод, основанный на мыслях вслух»). Как правило, предварительные инструкции и обстановка эксперимента направлены на создание максимально комфортабельной и приватной атмосферы, имея целью обеспечить условия для свободного выражения любого суждения или эмоцио-

нальной реакции. При этом исследователи стараются не допускать таких указаний, которые эксплицитно требовали бы от испытуемого демонстрации своих навыков анализа текста – скажем, требований прокомментировать стиль.

Этот метод часто вызывает критику в связи с возможным деструктивным влиянием проговаривания своих реакций на процесс рецепции. Для устранения данного негативного фактора У. Сейлман и С. Ларсен предложили свою модификацию процедуры: читатели, отследив рецептивный момент того типа, который планировалось зафиксировать, делали на полях пометки и только по завершении чтения воспроизводили свои реакции и отвечали на вопросы о них, опираясь на эти знаки (17). При реализации этой методики на практике (29) обнаружилось, что испытуемые были способны воспроизвести около 95% пришедших им в голову во время чтения воспоминаний, что свидетельствует об адекватности данной процедуры, по крайней мере по отношению к исследованным аспектам восприятия.

Затруднения в применении вербальных протоколов также вызываются сложностью обработки полученных материалов. Иногда исследователи ограничиваются качественным анализом индивидуальных реакций, который позволяет сформировать общее представление об отдельных аспектах рецепции или выдвинуть гипотезу, пригодную для проверки в новом эксперименте. В исследовании Д. Майелла с соавторами (15) изучалось явление «экспрессивного перевоплощения» (*expressive enactment*), основанного на том, что читатели в восприятии текста часто опираются на собственные личные переживания, каким-либо образом индуцируемые последним. Литературное произведение «входит в резонанс» с личным опытом человека, и это явление играет важную роль в процессе чтения и понимания. Участникам эксперимента было предложено проговаривать вслух все мысли, пришедшие им в голову при восприятии тех частей текста, которые показались им выразительными. Хотя комментарии части испытуемых не выходили за границы обыденности, другие дали интересный материал для изучения того, каким образом формируется эмоциональный отклик на художественный текст. Майелл анализирует реакции во время чтения «Сказания о старом мореходе» С. Колриджа, принадлежащие одному из читателей и свидетельствующие о постепенном

усилении эмпатической связи между ним и героем стихотворения. Если сначала испытуемый лишь сопоставляет свой личный опыт и переживания персонажа, то чем дальше, тем в большей степени он идентифицируется с мореходом, так что в определенный момент становится сложно определить, имеет ли он в виду свои собственные переживания или чувства героя Колриджа, употребляя местоимение «уош» в обобщенно-личном значении. Читатель переформулирует, точнее, «перевыражает» (re-express), ключевые идеи стихотворения в терминах собственного личного опыта. В этом эксперименте было практически зафиксировано явление «размытых границ между читателем и нарратором» (15, с. 306), которое составляет существенный аспект восприятия литературы. В данном случае речь шла о негативных ощущениях и эмоциональных реакциях, и это, возможно, связано с общей функцией литературы, позволяющей читателям осознавать и выражать свои отрицательные эмоции, которые в ином случае были бы, скорее всего, подавлены из-за социально-поведенческих конвенций. Хотя в этом исследовании были зафиксированы всего лишь индивидуальные читательские реакции, оно расширяет наши представления о возможных механизмах «нарративной эмпатии», явлении, открывающем широкие перспективы для исследований на пересечении литературоведения и нейрофизиологии.

В то же время существуют исследовательские протоколы, допускающие использование подобных данных в обобщенном виде. Обычно после сбора первичной информации высказывания респондентов систематизируются с использованием априорно заданных или выработанных по ходу дела категорий. Так, в исследовании Э. Андринга (1) реакции участников классифицировались в двух плоскостях: как речевые акты различных типов (действия, метакомментарии, эмоции, оценки, рассуждения, отсылки к тексту) и как рецептивные акты (эмоциональные реакции, реконструкции, развертывание, идентификация и т.п.). Противоположная – индуктивная – процедура предполагает, что категории формируются по мере объединения между собой сходных реакций, при этом процесс классификации имеет несколько стадий и может быть остановлен на любой из них. Затем готовые классы высказываний могут анализироваться с помощью самых разнообразных методик – как качественных (например, выявление повторяющихся последо-

вательностей реакций), так и количественных (от простого подсчета доли того или иного типа рецепции до кластерного анализа).

В исследовании У. Сейлмана и С. Ларсена (29) читателям короткого художественного рассказа и описательного текста о росте народонаселения предлагалось делать отметки на полях, как только прочитанное вызывало у них какое-либо воспоминание о пережитом. По завершении чтения участники исследования заполняли короткий опросник относительно каждого из эпизодов. Одним из содержательных результатов исследования стало различие в характере воспоминаний, индуцируемых литературным и нелитературным текстом. Первый в два раза чаще, чем второй, вызывал у испытуемых воспоминания в перспективе действующего лица (о ситуации, в которой участник эксперимента каким-либо образом действовал), а второй – воспоминания в перспективе наблюдателя (о чем-то, что было услышано или прочитано). Чтение художественной литературы, таким образом, активизирует особую разновидность знания, которое связано с деятельностным аспектом личности, «ответственного субъекта, взаимодействующего со своим окружением». По мнению Майелла, это заставляет усомниться в том, что литературное чтение связано исключительно с эстетическими переживаниями, из которых устраняется личностный интерес, как это предполагается в кантовской и посткантовской эстетике (22, с. 83).

Майелл и Куикен разработали метод, основанный на ступенчатой категоризации высказываний испытуемых и последующем числовом анализе получившихся категорий, который назвали численной феноменологией (*numerical phenomenology*) (16). Он предполагает фиксацию любых высказываний, полученных от респондента в рамках «*think-aloud*» протокола, а затем их ступенчатую классификацию и кластерный анализ получившихся данных. Кластерный анализ – это статистическая процедура, позволяющая выделить в массиве данных компактные группы наиболее близких друг к другу явлений. Если речь идет о сравнительно больших массивах, а именно с такими и имеет смысл работать подобным образом, то подобная группировка возможна только с использованием компьютерных программ. В то же время это одна из самых «гуманитарных» и интуитивно понятных методик. На первом этапе анализа каждое из явлений сравнивается со всеми остальными, и два

наиболее сходных между собой объединяются в группу. Сходство выражается некоторым числом, например, каким-либо индексом корреляции и т.д. На следующем этапе все оставшиеся явления снова сравниваются между собой, но вместо тех из них, которые были объединены на первом этапе, в сравнении участвует получившаяся группа. Наиболее сходные явления снова объединяются в группу (частным случаем этого является присоединение третьего явления к первой группе). Этот процесс повторяется столько раз, сколько явлений входит в анализируемый массив. С каждым разом «индекс сходства» становится все меньше и меньше, поскольку объединяются все менее и менее похожие явления. Эта последовательная группировка получает графическое изображение, которое позволяет легко определить момент, когда индекс сходства уменьшился скачкообразно, намного больше, чем при предыдущих группировках. Тогда существующие на этот момент группы фиксируются, и исследователь пытается описать, чем они отличаются друг от друга. Необходимым условием для осуществления кластерного анализа является цифровое представление данных, что накладывает некоторые ограничения на исследуемый материал. Однако достоинством метода является его устойчивость к неточным, качественным данным. Если во многих других методах жизненно необходимо, чтобы данные были представлены не цифрой-символом, а реальным числом, чтобы соблюдались требования к распределению данных в выборке, то в кластерном анализе существуют разновидности, позволяющие при необходимости проигнорировать эти аспекты.

Примером практического применения численной феноменологии стал эксперимент, в котором участники читали рассказ Ш. О'Фаолейна *«Форея»* небольшими сегментами (как правило, охватывающими одно предложение) и по желанию комментировали каждый из них или объединяющие несколько сегментов разделы текста. Их высказывания были записаны на пленку и расшифрованы. Затем исследователи провели систематическое сравнение реакций испытуемых, объединяя сходные в одну группу. Эта процедура была проведена три раза, первый раз с оригинальными высказываниями, а потом – с получившимися в результате объединения группами. Например, на первом этапе высказывания «Темная Аллея кажется пугающим местом» и «Темная Аллея звучит как будто

из готического романа» были объединены в группу «Темная Аллея звучит пугающе». Затем эта группа и другая, получившаяся в результате объединения высказываний вроде «Колодец показался мне опасным», образовали группу «Я характеризую атмосферу места действия как несущую опасность». На последнем этапе после очередного объединения получилась группа высказываний «Я характеризую атмосферу места действия». В конечном итоге высказывания респондентов сформировали матрицу, которая была проанализирована с помощью процедуры кластерного анализа. В результате исследователи смогли выделить четыре разновидности способов восприятия данного текста. Интересно, что «эстетический» тип рецепции, основанный на поиске символических значений, одушевлении предметов и места действия, импликациях относительно мыслей персонажей, составил меньше одной трети вариантов, в то время как в теоретических работах по изучению читательского отклика анализируется, как правило, именно этот тип восприятия художественного текста.

Круг вопросов, рассматриваемых исследователями, работающими в парадигме ESL, пересекается, но не совпадает с комплексом проблем, изучаемых в тех разделах общего литературоведения, которые связаны с анализом читательского отклика. Тем не менее уверенность Д. Шрама и Г. Стина в том, что «имеются широкие возможности для перевода “традиционной” литературной теории в эмпирически проверяемые теории и гипотезы» (28, с. 14), не лишена оснований. В первую очередь, следует назвать работы, в которых исследуется вопрос о наличии или отсутствии сущностной специфики литературного дискурса. В литературоведении XX в. нет согласия относительно того, является ли восприятие конкретного текста как литературного следствием его структурных особенностей или результатом социальных конвенций. Первой точки зрения придерживались русские формалисты и их последователи, а противоположная ей распространилась во второй половине века и была характерна для американского литературоведения. Представители ESL внесли в решение этого вопроса серьезный вклад, показав, что актуализация как свойство литературного дискурса – реально воздействующий на читателя феномен, а не сугубо теоретический конструкт (19, 33). В то же время имеются исследования, подтверждающие роль рецептивного контекста (и, следова-

тельно, литературных конвенций) для восприятия дискурса как художественного (35, 11). Вместе с тем далеко не во всех случаях условия восприятия имеют приоритет над текстуальными характеристиками (12). Таким образом, стало очевидно, что однозначное решение данного вопроса, характерное для некоторых авторитетных литературоведческих направлений, не имеет оснований, а теория литературности должна рассматривать это явление как один из аспектов рецепции, т.е. основывать его на комплексе текст–читатель, а не на одном из его компонентов.

Эмпирическое подтверждение получила теория поливалентности – принципиальной многозначности художественного текста, одним из оснований которой является стилистическая выделенность и актуализация в целом. Внимательно изучается аффективный компонент восприятия художественной литературы, значимость которого в традиционном литературоведении признается, но остается в основном уделом импрессионистической критики. Анализ личностного компонента рецепции во многом подтверждает бахтинский тезис о диалогичности художественного текста. Новое рождение в ESL получила традиционная категория катарсиса, в XX в. начавшая терять свое положение в поэтике. Изучается эпизодическая структура произведений, их фоника и образная структура, роль фигур и тропов в языке, а также некоторые аспекты жанровой теории¹. Однако большинство современных трудов в области ESL представляют собой журнальные статьи, коллективные сборники или монографии, составленные из опубликованных ранее статей. Поэтому на настоящий момент для дисциплины характерна некоторая мозаичность, большое количество работ, решающих конкретные вопросы, но не предлагающих целостной поэтики или даже ее отдельной главы. Был постепенно потерян и вкус к подробной разработке методологического фундамента исследований, многие аспекты, связанные с процедурами исследований, стали восприниматься как сами собой разумеющиеся.

---

¹ Обзор тематики существующих на настоящий момент исследований имеется в гл. 7 книги Д. Майелла «*Литературное чтение*» (22). Также разнообразие тенденций в ESL хорошо иллюстрирует сборник в честь представительницы старшего поколения литературоведов-эмбриков Элруд Ибсч (31).

На этом фоне выделяется работа канадских ученых Бортолусси и Диксона – «Психонарратология» (2), отличающаяся тщательностью проработки исходных понятий и исследовательских процедур. Концепция Бортолусси и Диксона представляет собой синтез теории с эмпирическим исследованием ее отдельных аспектов. Психонарратология «сочетает в себе методики когнитивной психологии с аналитическими процедурами и достижениями некоторых литературоведческих направлений» (2, с.4) – в первую очередь, рецептивной эстетики, а также классической и постклассической нарратологии, – а также с некоторыми лингвистическими подходами к изучению дискурса и коммуникации. Ее цель – «объяснить психологические аспекты обработки сознанием нарративных форм» (2, с. 35). Необходимость такого объяснения в последние годы стала осознаваться и за пределами эмпирических исследований литературы в строгом смысле слова. Результатом этого стали работы, в которых к традиционным нарратологическим вопросам стали применяться подходы, заимствованные из лингвистических исследований «понимания дискурса» (*discourse comprehension*) и из когнитивной науки, изучающей структуры мышления¹. Стало общепринятым мнение, что без учета механизмов рецепции нарратива невозможно адекватно описать ее структуру и понять способы его функционирования.

Психонарратология в известной степени является экстраполяцией на материал художественных повествований подходов, присущих дискурсивному анализу. Однако, по мнению канадских авторов, некоторые из аксиом этой дисциплины невозможно перенести в неизменном виде в изучение литературы. В первую очередь это касается представления о тексте как непосредственной коммуникации между автором и читателем, в рамках которой задачей последнего является «расшифровка» значения, вложенного в текст первым. В этой парадигме успешное понимание произведения полностью определяется самим текстом. Бортолусси и Диксон, напро-

---

¹ Из наиболее авторитетных авторов, пишущих на эти темы, следует назвать создателя «экспериментальной нарратологии» М. Флудерник, исследовательницу «нарративного понимания» К. Эммотт, когнитивных нарратологов Д. Германна и М. Яна, а также авторов, применяющих в анализе художественных повествовательных текстов различные изводы теории «возможных миров» и «ментальных моделей» (М.-Л. Риан, Э. Семино, Р. Герриг, Дж. Гэвинс и др.).

тив, считают текст «стимулом, на который реагируют читатели», причем их реакции потенциально подвержены влиянию как со стороны внутренней организации сознания, так и обстоятельств, в которых проходит чтение. Кроме того, в повествовательной литературе коммуникация между читателем и автором опосредована фигурой нарратора, который выступает в роли непосредственного источника словесных выражений, составляющих повествование.

Фундаментальным постулатом психонарратологии является разграничение объективных, поддающихся выделению *характеристик текста и читательских конструкций*, т.е. ментальных репрезентаций, возникающих в сознании читателя как реакция на конкретную текстуальную характеристику. Действительно, некоторая часть дискуссий в классической нарратологии, например о месте нарратора (является ли он частью текста или элементом рецепции), была связана с отсутствием подобного разграничения. На самом деле многие нарратологические категории представляют собой комплекс этих двух аспектов. Психонарратология изучает то, как объективно существующие элементы нарратива обрабатываются в процессе рецепции, и в этом плане она сходна по своим установкам с психолингвистикой.

Характеристики текста для Бортолусси и Диксона – это не любое утверждение литературоведческого характера относительно данного произведения. Во-первых, они должны быть объективными, т.е. не зависеть от личности исследователя. Так, скажем, «утонченный стиль» или «ощущение близости к автору» – субъективные оценки, с которыми можно согласиться или не согласиться, более того, разногласия могут возникнуть уже на этапе попытки дать определение «утонченности стиля» или аналогичному свойству текста. Напротив, «повествование от первого лица» – это объективная характеристика, поскольку можно легко представить себе воспроизводимую другими исследователями процедуру, позволяющую определить, ведется ли повествование от первого лица. Во-вторых, характеристики должны быть определенными (точными). Не следует использовать расплывчатые оценки наподобие «большое количество прямой речи». В-третьих, они должны быть стабильными, т.е. не зависеть от внешних условий, например, личности читателя. И, наконец, они должны быть релевантными (по крайней мере, на

уровне обоснованности гипотезы) и не создавать излишних сложностей при измерении и обработке данных.

Вторым компонентом психоарратологической методологии становится анализ читательских конструкций. Бортолусси и Диксон придерживаются убеждения, что здесь уместно использование самых простых процедур, заимствованных из общественных наук, таких, как прямые вопросы читателям, их рейтинговые оценки различных аспектов текста и т.п. Методы измерения должны быть прямыми (т.е. требовать минимальной операционализации), воспроизводимыми другими исследователями и компактными.

Важный аспект теории Бортолусси и Диксона составляет представление о статистическом читателе. Канадские авторы стали, пожалуй, единственными представителями англоязычного ESL, разработавшими с теоретической точки зрения вопрос о том, чье именно восприятие литературы изучается. Согласно их концепции, рецепция текста не может рассматриваться как гомогенное явление, но в то же время нельзя считать, что для нее характерна принципиальная идиосинкразия. Рецепция изменчива, но очень важно правильно трактовать эту изменчивость: она не является «ошибкой измерения», «шумом в информации». Вместе с тем «задача психоарратологии как науки – описание особенностей процесса восприятия, общих для читательских групп, рассматриваемых как целое» (2, с. 44). Из этого следует, что утверждения относительно читательских конструкций могут делаться по отношению к некоторой эксплицитно определенной общности читателей, которая сама состоит из сложного сочетания пересекающихся групп, для каждой из которых потенциально характерны оригинальные способы обработки текста. Понятие статистического читателя основано на двух категориях: популяции и распределения параметра. Популяция – это множество индивидов, о рецепции текста которыми делается утверждение. Поэтому любой научный тезис относительно обработки дискурса и интерпретации должен предваряться описанием популяции, для которой заявляется его истинность. Параметр – величина, позволяющая оценить или «измерить» индивида в каком-либо плане, притом что процедура получения этой оценки эксплицитно описана. Параметр каким-либо образом распределен на популяции, т.е. мы с самого начала предполагаем, что он изменяется от одного читателя к другому. Математическая статистика

позволяет оценить так называемые меры центральной тенденции и меры изменчивости различных параметров, характеризующие данную популяцию в целом, используя при этом небольшие выборки из нее.

Собственно нарратологическая часть работы Бортолусси и Диксона организована таким образом, что подробная разработка наиболее важных аспектов теории повествовательного текста сопровождается эмпирической верификацией одного из возможных следствий данной теории. Методика проверки основана на принципе тестирования гипотезы, в которой операционализация взаимосвязанных характеристик текста и читательских конструкций проведена таким образом, чтобы на выходе получились числовые переменные. Наличие взаимосвязи между ними проверяется через «текстуальный эксперимент, в котором создается несколько версий текста, идентичных за исключением одной, искусственно изменяемой, характеристики» (2, с. 51).

Хорошим примером практического применения этих методологических установок является глава, посвященная категории нарратора, в классической нарратологии связанной с множеством нерешенных по настоящий момент проблем. Согласно концепции Бортолусси и Диксона, нарратор – не логическая или абстрактная характеристика текста, а существующая в сознании читателя ментальная репрезентация, основанная, однако, на определенных свойствах текста. При этом канадские авторы отказываются от классической трехуровневой схемы повествовательной коммуникации (между автором и читателем, имплицитным автором и имплицитным читателем, нарратором и адресатом наррации; *narratee*), переосмысляя ее самым радикальным образом. По их мнению, в процессе рецепции повествовательного текста моделируется коммуникация между нарратором и реальным читателем. Читатели воспринимают повествование так, *как будто* бы нарратор является их реальным собеседником. Это означает, что нарратору приписываются характеристики, присущие «настоящему» участнику беседы, т.е. общий с воспринимающим субъектом перцептивный фундамент, язык и культура, а также соблюдение «максим коммуникативного сотрудничества», предложенных П. Грайсом в работе «Логика и

речевое общение»¹. Максимумы Грайса предполагают, что участник коммуникации настроен на кооперацию и строит свое сообщение так, чтобы давать собеседнику *достаточное, но не излишнее количество релевантной и правдивой информации в ясной и последовательной форме*. Опираясь на это представление о собеседнике, адресат сообщения делает определенные выводы, достраивает свою внутреннюю репрезентацию обсуждаемого объекта или явления, используя так называемые «коммуникативные импликатуры». Например, если какие-либо сведения на первый взгляд представляются лишними и не связанными с основной темой беседы, адресат сообщения предпринимает усилия, чтобы вписать их в общую картину, предполагая, что они являются, тем не менее, релевантными и необходимыми, поскольку их источник соблюдает вышеназванные «максимумы кооперации». Согласно Бортолусси и Диксону, литературный текст как таковой коммуникацией не является, однако обрабатывается сознанием читателя как коммуникация, при этом источником сообщения выступает нарратор. Поскольку в сознании читателя он репрезентируется *как будто* участник беседы, это порождает нарративные импликатуры, аналогичные импликатам коммуникативным.

Нарратор – ментальная репрезентация, подобная образу собеседника, формирующемуся в сознании слушателя. Она содержит информацию, необходимую для понимания сообщения, подобно тому, как во время беседы представление о партнере включает сведения о его пространственном положении, позволяющие истолковывать дейктические элементы (например, слова «там» или «здесь», «тогда», «сейчас»), о его текущем психологическом состоянии, отношении к рассказываемому и т.п. Однако ключевое отличие повествовательного текста от настоящей коммуникации в том, что подобная репрезентация строится не на восприятии и оценке реального индивидуума, а на выводах, сделанных на основе тех или иных характеристик воспринимаемого текста, которые могут быть двух типов. К первому относятся «эксплицитные атрибуты», когда нарратор явным образом характеризуется в плане его поведения, положения, убеждений, знаний и т.д. В случае «интра-

---

¹ Грайс П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. 16. – С. 217–237.

диегетического» (в терминологии, восходящей к Ж. Женетту) повествования это непосредственные утверждения, имеющиеся в тексте и относящиеся к образу персонажа-повествователя. Образ внеличностного повествователя часто формируется как результат возникновения устойчивой связи между нарратором и одним из персонажей на основе непосредственных утверждений относительно последнего. Второй тип включает в себя «инференциальные стимулы», т.е. некоторые элементы текста, предрасполагающие читателя к определенным выводам о нарраторе и его установках. Например, иронический тон повествования способствует созданию впечатления о снисходительном или презрительном отношении повествователя к описываемому объекту не имеющее прямого отношения к фабуле подробное описание аккуратно организованного внутреннего пространства машины, в которой едет герой, может быть истолковано как стремление нарратора передать читателю ощущение педантичности персонажа. Таким образом, речь здесь идет о нарративных импликациях, т.е. выводах, основанных на том, что нарратор воспринимается как расположенный к сотрудничеству субъект. Эти выводы являются частью ментальной конструкции, созданной читателем, и во многом зависят от его индивидуальных особенностей, но источником их служит текст.

Одним из важнейших аспектов восприятия литературного повествования является аутоидентификация читателя с персонажем. Она изучалась как в рецептивной эстетике, психоаналитическом литературоведении, когнитивных исследованиях литературы, так и в рамках ESL. Между тем никогда не были выявлены в анализе процессов рецепции произведения реальными читателями механизмы возникновения идентификации как производной от характеристик текста. Один из разделов работы Бортолусси и Диксона посвящен именно этой проблеме. Они расширяют представление об идентификации, включая в число ее объектов также и нарратора, на которого в процессе создания его репрезентации как участника коммуникации читатели экстраполируют свою базу знаний, установки и т.п. Однако в *«Психонарратологии»* данное явление рассматривается на примере гомодиегетического повествования (в роли повествователя выступает главный герой произведения), поэтому идентификация с нарратором и персонажем в данном случае не разграничивается.

Исследователи считают, что ключевую функцию в процессе аутоидентификации играют нарративные импликатуры. Один из важнейших аспектов идентификации с персонажем – это степень его «прозрачности» (transparency), т.е. уверенность читателя в том, что он понимает чувства, мысли и поведение героя. Такое понимание может основываться на общности опыта но, хотя она, очевидно, облегчает его, далеко не во всех случаях идентификации речь идет о «похожем» на читателя действующем лице. По мнению Бортолусси и Диксона, в случае отсутствия этой общности должны работать некоторые механизмы «присваивания себе» описываемых переживаний, ощущений, взглядов и т.п. Именно здесь и приобретают особое значение импликатуры. Конструируя образ нарратора как последовательного и логичного участника коммуникации в соответствии с коммуникативными максимами П. Грайса, читатели используют свой опыт в достраивании тех элементов репрезентации, которые не имеют непосредственного обоснования. Но тем самым они создают определенную общность между собой и персонажем, поскольку опираются в этом процессе на различные аспекты своей собственной личности.

Каким образом можно проверить эту гипотезу? Если нарративные импликатуры существенным образом увеличивают «прозрачность» персонажа, значит, текст, в котором они присутствуют, должен вызывать большее ощущение «прозрачности» описываемого действующего лица, чем аналогичный текст, не predisposing к их возникновению. Бортолусси и Диксон использовали в своем эксперименте новеллу А. Мунро «Рабочий кабинет», первая часть которой, описывающая отношение героини-нарратора к собственной писательской деятельности и ее восприятие другими людьми, должна была создавать впечатление «прозрачности», основанное на этом механизме. Исследователи создали также модифицированную версию этой преамбулы, эксплицитно вербализующую выводы, к которым могли прийти читатели. Поскольку в ней уже присутствовала информация, необходимая читателям для конструирования образа нарратора, они в значительно меньшей степени стимулировались текстом к созданию нарративных импликатур.

Участники эксперимента были разделены на четыре группы, каждая из которых читала свою версию новеллы, отличавшуюся от других преамбулой. В одной использовался исходный вариант, в

другой – модифицированная версия, в третьей и четвертой – обе преамбулы, но в разной последовательности. После прочтения новеллы испытуемым предлагалось ответить на многочисленные вопросы относительно сюжета, персонажей, позиции писателя и собственного отношения к прочитанному, часть которых позволяла оценить степень «прозрачности» героини-нарратора (например, насколько обоснованным было то или иное ее решение, правильно ли она оценивала личность арендодателя и т.п.). Все оценки давались по пятибалльной шкале, поэтому легко были вычислены средние показатели «прозрачности» нарратора для каждой из групп. Согласно теории Бортолусси и Диксона, в группах, читавших новеллу с имплицитной (исходной) преамбулой, «прозрачность» нарратора должна быть выше, чем в группе, читавшей модифицированную версию, поскольку первая стимулировала читателей к созданию нарративных импликатур. Аналогичным образом оценки должны быть выше и в группе, читавшей версию, в которой имплицитная преамбула предшествовала эксплицитной. Хотя в третьей и четвертой группах «суммарный» текст был одним и тем же, только вариант новеллы с предшествующей имплицитной версией вступления заставлял читателей использовать нарративную импликацию при чтении, в этом случае эксплицитная версия лишь подтверждала самостоятельно сделанные выводы. Второй вариант не располагал читателей к использованию собственного опыта, так как выводы относительно нарратора были предложены им заранее в развернутом виде, и исходная версия вступления добавляла мало возможностей для самостоятельной реконструкции позиции нарратора.

Анализ полученных данных полностью подтвердил оба предположения исследователей: действительно, оценки, полученные от тех читателей, которые читали имплицитную преамбулу как первую или единственную, оказались выше, и это различие было статистически значимо. В свою очередь влияние на оценку условий чтения (одна или две преамбулы в тексте) было статистически незначимым, следовательно, вторая преамбула не позволяла добавить никаких значимых элементов к ментальной репрезентации, созданной читательским сознанием, что может служить подтверждением правильности преобразования экспериментаторами исходной версии в эксплицитную.

Результаты эксперимента согласуются с гипотезой о том, что «прозрачность» нарратора обусловлена возможностью для читателей использовать свой опыт и знания для конструирования нарративных импликатур. Этот процесс приводит к тому, что читателю становится легче оценить и понять чувства и поведение нарратора. «Парадоксально, что это происходит несмотря на то, что имплицитная версия содержит меньше конкретной информации, чем эксплицитная. На самом деле, способность понимать нарратора основывается не на информации, сообщенной в тексте, а на деятельности самих читателей, стремящихся истолковать повествование в соответствии с принципом нарративного сотрудничества» (2, с. 94).

Аналогичным образом авторы *«Психонарратологии»* разрабатывают проблему сюжета и фабулы, способов характеристики, фокализации и представления речи и мыслей персонажей. В целом книга Бортолусси и Диксона представляет собой пример удачного баланса между достаточно оригинальной, но не порывающей с литературоведческими традициями теорией и эмпирическим исследованием конкретного материала с помощью методологически обоснованных процедур.

* * *

За тридцать с лишним лет существования ESL как дисциплины прошла несколько этапов развития. Период преобладания оригинальных теоретических построений сменился переориентацией на эмпирическую методологию и разработку частных литературоведческих вопросов. Появление психонарратологии Бортолусси и Диксона, видимо, знаменует начало нового этапа, для которого будет характерно сочетание тщательного рассмотрения теоретических и методологических вопросов с виртуозными практическими «полевыми» исследованиями отдельных аспектов теории. В то же время, как указывает Г. Стин, «эмпирическая поэтика – это сложная и многоуровневая научная система, все уровни которой находятся на разных стадиях развития и различным образом дополняют друг друга». Образ дисциплины как иерархической конструкции должен смениться образом сложной структуры, элементы которой постоянно взаимодействуют, «позволяя нам решать все более и бо-

лее сложные проблемы когнитии, коммуникации и культуры, а также их конкретные литературоведческие реализации» (28, с. 21).

Список литературы

1. *Andringa E.* Verbal data on literary understanding: A proposal for protocol analysis on two levels // *Poetics*. – Amsterdam, 1990. – Vol. 19. – P. 231–257.
2. *Bortolussi M., Dixon P.* Psychonarratology: Foundations for the empirical study of literary response. – N.Y.: Routledge, 2003. – XIII, 304 p.
3. *De Beaugrande R.* Toward the empirical study of literature: A synoptic sketch of a new “society” // *Poetics*. – Amsterdam, 1989. – Vol. 18. – P. 7–27.
4. *Fokkema D.W., Kunne-Ibsch E.* Theories of literature in the twentieth century: Structuralism, Marxism, aesthetics of reception, semiotic. – L.: Hurst, 1977. – 208 p.
5. *Graesser A.C., Kessler M.A., Kreuz R.J., McLain-Allen B.* Verification of statements about story worlds that deviate from normal conceptions of time: What is true about «Einstein's Dreams»? // *Cognitive psychology*. – Dordrecht, 1998. – Vol. 35, N 3. – P. 246–301.
6. *Groebe N.* Literaturpsychologie: Literaturwissenschaft zwischen Hermeneutik und Empirie. – Stuttgart: Kohlhammer, 1972. – 328 S.
7. *Groebe N.* Empirical methods for the study and interpretation of literature // *Discourse processes*. – Norwood (NJ): Ablex pub. corp., 1980. – Vol. 3. – P. 345–367.
8. *Groebe N.* From theory to practice: The program of empirical research in the German science of literature, 1972–1977 // *Poetics today*. – Durham (NC): Duke univ. press, 1981. – Vol. 2. – P. 159–169.
9. *Groebe N.* Rezeptionsforschung als empirische Literaturwissenschaft: Paradigmadurch Methodendiskussion an Untersuchungsbeispielen. – Tübingen: Kronberg, 1982. – 322 S.
10. *Groebe N.* The function of interpretation in an empirical science of literature // *Poetics*. – Amsterdam, 1983. – Vol. 12. – P. 219–238.
11. *Hanauer D.* Reading poetry: An empirical investigation of formalist, stylistic, and conventionalist claims // *Poetics today*. – Durham (NC): Duke univ. press, 1998. – Vol. 19, N 4. – P. 565–581.
12. *Hoffstaedter P.* Poetic text processing and its empirical investigation // *Poetics*. – Amsterdam, 1987. – Vol. 16. – P. 75–91.
13. *Hunt R. A., Vipond D.* Crash-testing a transactional model of literary reading // *Reader: Essays in reader-oriented theory, criticism, and pedagogy*. – Houghton.: Michigan technological univ., 1985. – N 14. – P. 23–39.

14. *Hunt R. A., Vipond D.* Evaluations in literary reading // *Text.* – B., 1986. – Vol. 6, N 1. – P. 53–71
15. *Kuiken D., Miall D. S., Sikora S.* Forms of self-implication in literary reading // *Poetics today.* – Durham (NC): Duke univ. press, 2004. – Vol. 25. – P. 171–203.
16. *Kuiken D., Miall D.S.* Numerically aided phenomenology: Procedures for investigating categories of experience // *Forum qualitative sozialforschung = Forum: Qualitative social research: (On-line journal).* – 2001. – Vol. 2, N 1. – Mode of access: <http://www.qualitative-research.net/fqs-texte/1-01/1-01kuikenmiall-e.htm>
17. *Larsen S.F., Seilman U.* Personal reminders while reading literature // *Text.* – B., 1988. – Vol. 8. – P. 411–429.
18. *Martindale C.* Empirical questions deserve empirical answers // *Philosophy a. literature.* – Baltimore (MD): Johns Hopkins univ. press, 1996. – Vol. 20, N 2. – P. 347–361.
19. *Miall D.S., Kuiken D.* Foregrounding, defamiliarization, and affect: Response to literary stories // *Poetics.* – The Hague: Mouton, 1994. – Vol. 22, N 5. – P. 389–407.
20. *Miall D.S., Kuiken D.* What is literariness?: Three components of literary reading. // *Discourse processes.* – Norwood (NJ), Ablex pub. corp., 1999. – Vol. 28, N 2. – P. 121–138.
21. *Miall D.S., Kuiken D.* Shifting perspectives: Readers' feelings and literary response // *New perspectives on narrative perspective / Ed. by Peer W. van, Chatman S.* – Albany (NY): State univ. of New York press, 2001. – P. 289–301.
22. *Miall D.S.* Literary reading: Empirical and theoretical studies. – N.Y.: Peter Lang, 2006. – 234 p.
23. *Schmidt S.J.* Empirical studies in literature: Introductory remarks // *Poetics.* – Amsterdam, 1981. – Vol. 10. – P. 317–336.
24. *Schmidt S.J.* Foundations for the empirical study of literature / Trans. by Beaugrande R. de. – Hamburg: Buske, 1982. – 299 p.
25. *Schmidt S. J.* The Empirical science of literature ESL: A new paradigm // *Poetics.* – Amsterdam, 1983. – Vol. 12. – P. 19–34.
26. *Schmidt S. J.* Empirical studies in literature and the media: Perspectives for the nineties // *Empirical studies of literature / Ed. by Ibsch E., Schram D., Steen G.* – Amsterdam: Rodopi, 1991. – P. 9–17.
27. *Schmidt S. J.* The empirical study of literature: Why or why not? // *The systemic and empirical approach to literature and culture as theory and application / Ed. by Tötösy S., Sywenky I.* – Edmonton: Univ. of Alberta; Siegen: Siegen univ., 1997. – P. 137–153.

28. *Schram D., Steen G. J.* The empirical study of literature: Psychology, sociology, and other disciplines // The psychology and sociology of literature. – Amsterdam: Benjamins, 2001. – P. 1–16.
29. *Seilman U., Larsen S.F.* Personal resonance to literature: A study of reminders while reading // Poetics. – Amsterdam, 1989. – Vol. 18. – P. 165–177.
30. *Steen G.J.* A historical view of empirical poetics: Trends and possibilities // Empirical studies in the arts. – Dordrecht, 2003. – Vol. 21, N 1. – P. 51–67.
31. The psychology and sociology of literature / Ed. by Schram D., Steen G.J. – Amsterdam: Benjamins, 2001. – 451 p.
32. *Tsur R., Glicksohn J., Goodblatt Ch.* Perceptual organization, absorption and aesthetic qualities of poetry // Proceedings of the 11-th International congress on empirical aesthetics / Ed. by Halász L. – Budapest: Institute for psychology of the Hungarian academy of sciences, 1990. – P. 301–304.
33. *Peer W. van.* Stylistics and psychology: Investigations of foregrounding. – L.: Croom Helm, 1986. – 212 p.
34. *Vipond D., Hunt R.A.* Point-driven understanding: pragmatic and cognitive dimensions of literary reading // Poetics. – Amsterdam, 1984. – Vol. 13, N 3. – P. 261–277.
35. *Zwaan R.A.* Some parameters of literary and news comprehension: Effects of discourse-type perspective on reading rate and surface structure representation // Poetics. – Amsterdam, 1991. – Vol. 20. – P. 139–156.